

А-442 И О Н А К У Л ь Ш И Н

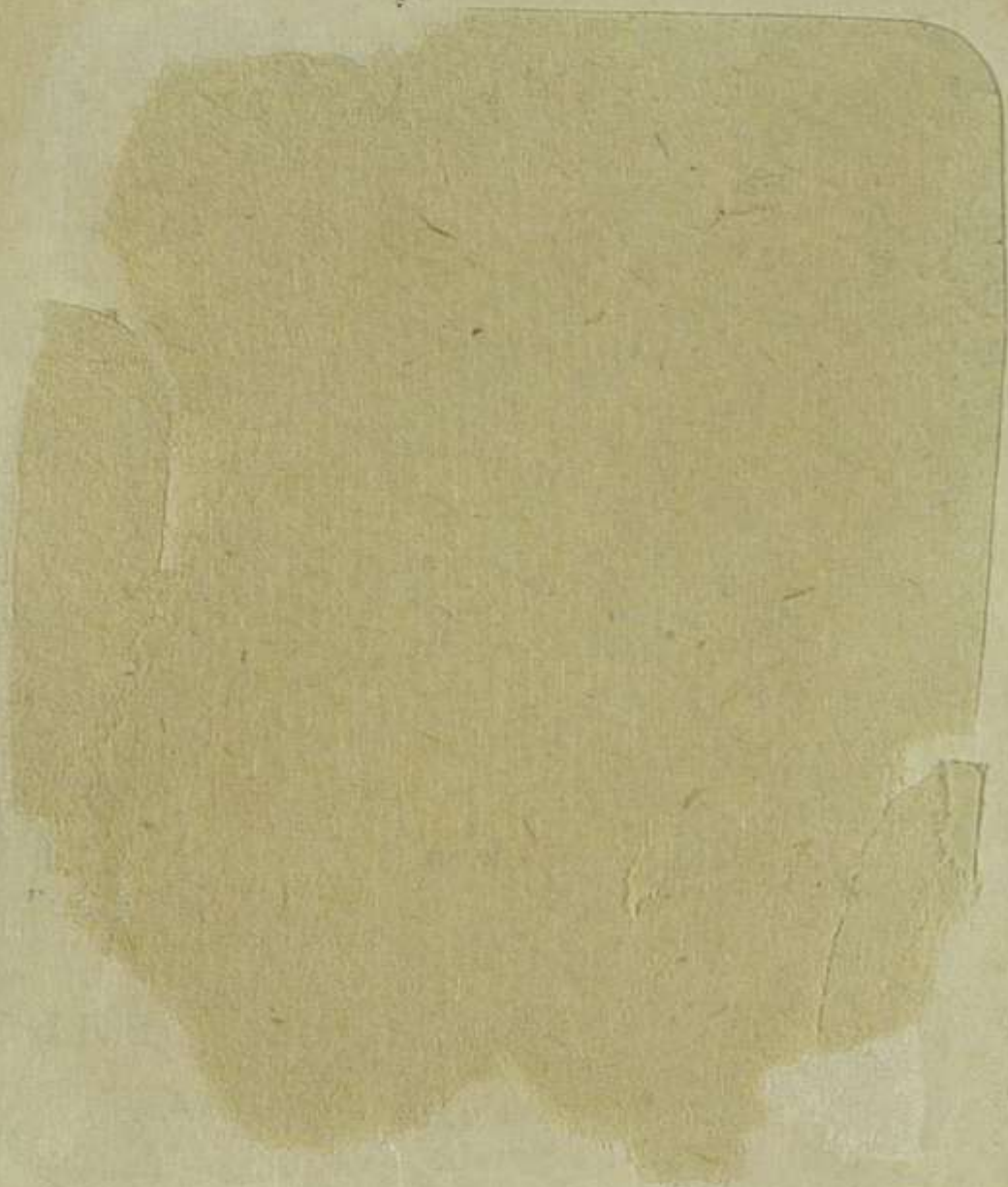
Лягушья Нестася



1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Пров. 1969



ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

б РОДИОН АКУЛЬШИН А-442

ЛЯГУШИНА
НАПАСТЬ

СБОРНИК



РИСУНКИ В. ИВАНОВОЙ



1 9 2 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

~~3202~~

1957-00 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

674 602 КХ-рег

Российская государственная
детская библиотека

Главлит № А 43 550.

Гиз № 32 384.

Тираж 10 000. экз.

6-я типо-литогр. Транспечати. Москва, Большая Переяславская, 46.

Лягушья наместь



Приехал из города в деревню человек с большой корзиной. Увидел на улице бабу, спрашивает у нее:

— Почему нигде ребятишек не видно?

— На речке купаются,—говорит баба,—вон какая жара,—они целый день и сидят в воде. Да зачем тебе ребятишки понадобились?

— Нужно мне,—говорит приезжий.

— Ну, если нужно, на речку иди.

На берегу и в воде было очень много ребятишек. Они бултыхались, кричали, смеялись. Сначала подошедшего никто не заметил. Тогда он закричал:

— Ребята! Внимание!

Дети притихли и поглядели на приезжего. На нем была солдатская гимнастерка и брюки галифе.

— Скажите, ребята, есть в ваших болотах лягушки?

— Пропасть целая у нас лягушек.

— Вы их не боитесь?

— Чего их бояться? Они нас боятся, а мы их не боимся.

— Это хорошо. Можете вы мне наловить лягушек целую корзину?

— Какую в руках держишь?

— Эту самую.

— А ты откуда приехал, дяденька?

— Из города.

— А зачем тебе, дяденька, лягушки понадо-
бились?

— Для науки. Для некоторых школ нужны лягушки, и очень много лягушек. Эти школы называются очень трудным словом: у-ни-вер-си-тет.

— Мирситет, врирситет, лирситет, — зашумели ребяташки.

— Учатся в университете зимой, а лягушек нужно запастись летом. Вот меня и послали за лягушками. Вылезайте из воды и пойдемте.

— Дяденька, а может тебе для науки тараканов надо? У нас миллионы.

— А клопов, дяденька? Спать не дают, бесплатно отдадим.

— Скорее одевайтесь и пойдем, не будем напрасно время терять.

Шумная толпа детей вместе с приезжим направилась к болоту. Лягушки сидели на берегу и грелись на солнце. Но поймать их оказалось не так просто. Как только ребята подкрадывались к берегу, лягушки прыгали в воду. Немного погодя, черноволосый Степка крикнул:

— Пойдите, пойдите, я придумал. Снимайте штаны!

Все сняли штаны.

— Завязывайте штанины узлами.

— Теперь за каждые штаны беритесь по двое и ловите, будто сетью.



Дело пошло хорошо. После каждого запуска штанов в воду, в них барахталось несколько лягушек. Ребятишки ждали, когда вода из штанов выльется, потом отдавали лягушек приезжему, а он бросал их в корзину.

До вечера поймали триста двадцать семь лягушек. Дети были очень довольны, что поработали для науки.

Приезжий решил переночевать в деревне, а утром на поезде ехать в город. Ночевать он попросился в третью от края избу. Ему постелили в сенях на кровати. Корзину с лягушками он поставил возле постели.

У хозяев была собака Милка. Уснул приезжий, задремала Милка. Но вот лягушки завозились в корзинке, и собака проснулась. Она подошла к корзине и стала ее обнюхивать. Лягушки завозились еще больше. Милка принялась грызть корзинку. Когда она прогрызла дыру, лягушки полезли через нее из корзины. Милка испугалась и спряталась в дяденькины брюки. Брюки были старые. Когда в них залезла собака, они лопнули в четырех местах. А лягушки все вылезали и вылезали из корзины. В отверстие под дверью лягушки поскакали на двор, со двора — в сарай. Много лягушек через дыры плетней пролезло на соседние дворы.

Рано утром в селе поднялся переполох. Дети шумели, собаки лаяли, соседки бегали друг к другу и спрашивали:

— И у вас лягушки? Милая, да откуда они взялись? Ну, прямо напасть лягушиная.

Куры кудахтали в сараях, как полоумные: и в куриные гнезда забрались лягушки.

Когда бабы узнали, откуда разбежались лягушки, они вбежали в сени, где спал приезжий, и принялись его будить:

— Эй, ты, лягушатник, проснись! Что плохо за своей скотиной смотришь? Распустил на беду, никуда пойти нельзя. Куда не сунься, везде лягушки.

Приезжий вскочил с кровати, спросонок понять ничего не может. А когда опомнился, то хотел брюки надеть... Поглядел, а они все худые.

— Кто мои брюки изорвал?

— А мы разве знаем?

Хозяйка дала гостю мужнины штаны.

Выбежал он на улицу, позвал ребятишек, стали по дворам лягушек ловить, да все равно — мало нашли, попрятались лягушки куда-то.

— Что ж теперь делать?

— Ты, дяденька, не тужи, — говорили ребятишки, — мы тебе целый воз лягушек наловим.



Несчастливые вареники



Петька дружит с Лидкой. Но Лидкина мать видеть не может Петьки. Это с тех пор, как Петька в Лидкином доме свалил нечаянно локтем со стола чайный стакан. Стакан разбился. Лидкина мать закричала, заругалась, выгнала навсегда Петьку из своего дома, а Лидке приказала:

— Не смей водиться с этим озорником. Ишь, нашла товарища. У других подруги, а ты с мальчишкой валандаешься. Да хоть бы какой путевый, а то беспросветный хулиган.

Лидке было грустно выслушивать приказания матери, потому что с Петькой она дружит с тех пор, как ходить научилась. Петька умеет делать свистульки, влезать на самые высокие деревья, мастерить тележки и сани. На берегу озера он своими руками возводит из песка целые города.

И совсем он не озорник. Просто Лидкина мать из-за стакана распалилась. Стакан, правда, старинный, прабабушкин. Из этого стакана всегда Лидкин отец пил.

Лидкин отец не простой человек, на мельнице служит; домой всегда приходит запыленный мукой.

Кругом Лидкина дома — сад: ветлы, акации, сирень. На дворе у забора — избушка для Барбоса. Барбос — общий друг Лидки и Петьки, и теперь, когда изгнаннику нельзя показаться на Лидкином дворе, Барбосу приходится откликаться на свист друга и лезть в большую щель под плетнем. Петькина изба рядом с Лидкиной.

Гладит Петька Барбоса, чешет за ушами, смотрит в умные собачьи глаза, спрашивает:

— Тетка Марья все серчает? Неужто всю жизнь будет серчать? Ведь стакан не железный — стеклянный. Стаканы долго никогда не живут. Это вещь такая: поживет, поживет и расколется.

— Если б ничто не кололось, не разбивалось, не старело, не линяло, тогда б все мастера с голоду умерли. Сделал бы мастер каждому мужику по деревянной кадушке и жили бы эти кадушки до скончания века. Что ж тогда мастеру делать? Или сшил бы сапожник сапоги такие, чтоб не изнашивались. Что б тогда было?.. Потому и делают стаканы из стекла, чтобы колотились чаще, а то бы все заводы и фабрики закрыли, рабочих по домам распустили бы. Разве хорошо? Нет, Барбос, зря твоя хозяйка сердчает.

Барбос потягивается и виляет хвостом, словно согласен с другом, только сказать не умеет.

— Не уходи от меня, Барбос, — говорит Петька, — сегодня я домоседничаю, отец и мать уехали, приедут вечером. Что это Лидка на двор не выходит, хоть бы через плетень поговорили.

Не может сказать Барбос, что занята Лидка: вареники с творогом делает, матери помогает. Рано сегодня вернется с мельницы Лидкин отец. Вон—дым над трубою избы вьется, значит, в подтопку чугунок поставили, варить начинают.

— Постой, Барбос, кто-то ходит по вашему двору.

Взглянул, — Лидка.

— Что в избе киснешь? Иди ко мне, я домоседничаю.

— Некогда,—отмахивается Лидка,—стряпаю, вареники делаю. Сейчас варить начинаем, мама за щепками послала, велела—скорей!

И опять пусто на дворе. Скучно... без дела. Лежит солома ржаная. Соломенки хорошие, длинные, не сломанные.

— Подожди, Барбос, за нитками и ножницами в избу схожу, звезды из соломы буду делать.

Звезды в Петькиной избе на каждом окне висят. По уголкам на звездах лоскутки разноцветные—малиновые, лиловые, зеленые, желтые.

— Плохи, Барбос, мои дела,—говорит немного погодя Петька.—Скучно мне без Лидки.

Ловко работает Петька; черные волосы свисают на лоб, красная рубаха под солнцем кажется еще краснее. Можно бы в холодок уйти, но Петька любит жару. Слыхал он, что есть на свете люди,—неграми называются, черные как жуки.

— Может быть, и я почернею, тогда совсем незаметно будет, что у меня нос большой и с горбинкой, тогда и горбоносым никто не будет дразнить.

Опять шаги на соседнем дворе. Взглянул — Лидкина мать с чашкой и ложкой в погреб идет, наверно за сметаной свежей. А еще кто это там? Как будто Лидка? Ну да, Лидка, к плетню бежит, что-то несет.

— Петька, ты тут?

— Тут.

— Вареников тебе принесла, восемь штук, горячие, маслом помазала, суй руку под плетень...

Хотел Петька руку за варениками просунуть, а вдруг калитка открылась, отец Лидкин с мельницы пришел, Лидку у плетня увидал, спрашивает строго:

— С Петькой секретничаешь? А что мать приказывала?

-- Нет, это я травки-муравки хочу нарвать, котяткам постелить.

А Петьке шепотком:

— Чашка в травке, сейчас не бери, отец на дворе, увидит.

И отбежала от плетня. Мать из погреба вылезла, удивилась, что отец так скоро пришел.

— Сейчас на стол буду накрывать.

— Накрывай, а я дровец порублю немного.

Колотится Петькино сердце: увидит отец с варениками чашку, не сдобровать тогда Лидке. А тут другое горе. Учужал Барбос вареники вкусные за плетнем. Рвется к чашке, не остановишь никак. Встал Петька возле дыры, не пускает собаку, а она от нетерпения того и гляди выть начнет. Придумал Петька: вынести большой кусок хлеба из дому, Барбосу показать, а потом закинуть подальше. Побежит Барбос за хлебом, есть станет. Тем временем Лидкин отец со

двора уйдет, можно будет чашку с варениками достать и Лидкину стряпню покушать.

— Барбос, поди со мной, чего под плетень лезешь? Поди, угощу тебя. Ну, Барбосик, фють, фють.

Пошел за ним Барбос, у крыльца остановился, да пока Петька нож искал, чтоб кусок хлеба отрезать, лопнуло у собаки терпение, побежала к плетню, в дырку пролезла, — вареники, масляные, вкусные, — вот они где!

Выбежал Петька — нет Барбоса.

— Ох, слопал, все слопал, попробовать не оставил!

Подскочил к плетню, протянул руку в дыру — за лапу собачью вместо чашки ухватился.



— Прочь, Барбос! Прочь! Не для тебя Лидка старалась!

Насильно оттащил от чашки. Не успел проглотить Барбос все восемь штук, оставил Петьке для пробы два вареника. Отошел Петька от плетня, уселся на крыльце; только вареники пробовать приготовился, а тут кого-то шут несет, хлопнула калитка.

— Засуну под крыльцо, Барбоса теперь нет, не опасно.

Баба чужая пришла, про мать и отца стала спрашивать: куда уехали, да зачем, да скоро ли вернутся.

— Не скоро,—с досадой отвечает Петька.

— Ах, головушка горькая, буравчик хотела попросить; грабли сын делал — сломал свой-то буравчик, а работы осталось — самая малость.

— Не знаю я, где буравчик.

— С тебя чего взять,—пригорюнилась баба и пошла домой. Петька подождал, пока она отошла подальше, потом запер калитку клином, чтоб еще кто-нибудь не нагрянул и не помешал доесть.

— Ну, здравствуйте, мои милые, масляные,—весело, нараспев, говорит Петька и за чашкой руку тянет. Что за ерунда? Чашка тут, а вареников нет.



Из-под крыльца кошка вылезла, облизывается. Видно сразу, что вареники ей понравились.

— Тьфу, ты пропасть какая,—машет рукою Петька, — никуда от этих собак и кошек не скроешься.

Вечером Лидка подбегает к плетню:

— Петька, Петька, ты тут?

— Тут.

— Ну, что вкусные вареники? Правда? Давай чашку!

— Несчастные твои вареники. У Барбоса и у кошки нашей про вареничный вкус спрашивай.

— Ты им отдал?

— Не отдал, а . . . подарил.

— Ну, я рассерчаю.

— Нечего серчать, перехитрили они меня. Понимаешь, сначала твой отец помешал, потом баба чужая.

— А я, ох, и наелась, живот раздулся.

— Знаешь, Лидка, что я надумал?

— Что?

— Как вырасту большой, так сделаюсь негром, нос тогда будет маленький, и я женюсь. Пойдешь за меня замуж?

— Негры какие?—спрашивает Лидка.

— Черные.

— На тебя тогда мыла не наготовишься.

— Мы сами будем делать.

— Из чего?

— Из глины.

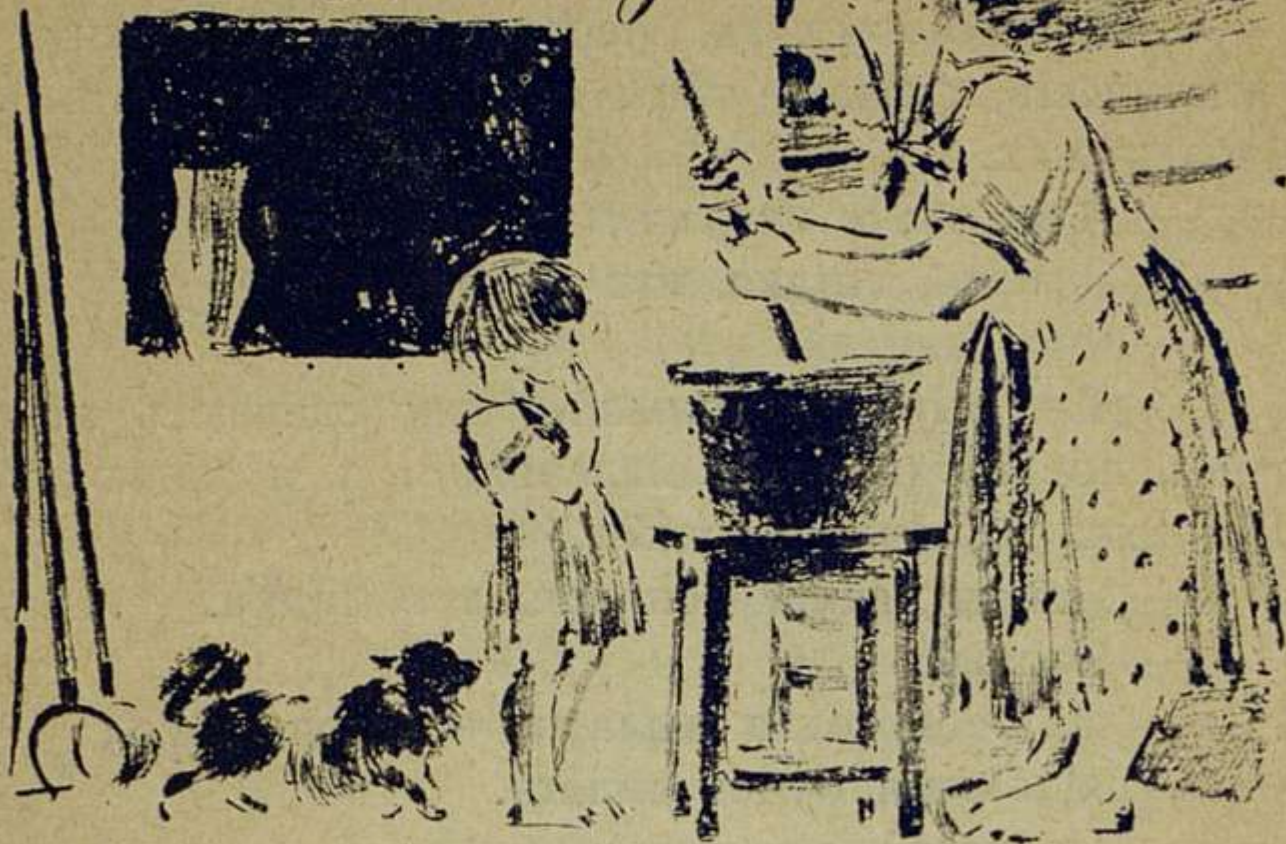
— Лидка,—кричит мать,—домой иди!

— Ну, прощай,—торопится девочка,—завтра поговорим побольше.

— Вот и наши приехали,—кричит Петька и бежит к воротам.

Ночью Петька видит себя во сне черным негром, с маленьким носом. Перед ним стоит Лидкина чашка. Из чашки в рот прыгают масляные вареники.

Помощница



Велик летний день. Много хорошего можно сделать от восхода до заката.

Дунярка пришла с речки, села на крыльцо и стала вспоминать, что успела она сделать до обеда.

«Коршуна от цыплят отогнала, кошку погладила, три раза искупалась, через плетень перелезла и платье не изорвала, с мальчишками подралась...

Солнышко высоко. Еще много успею всего наработать. Я не как Митька: убежит с утра и до ночи глаз не показывает. А все потому, что Митька—дядя».

Так думала Дунярка о своем брате, хотя он был старше ее всего на один год. Всех мужиков и мальчиков Дунярка называла дядями, а всех баб и девочек—тетями.

— Дядям хорошо: все для них тети делают—и шьют, и пекут, и рубахи стирают. О-хо-хо-хо-хо...

С огорода вернулась мать и сказала, что сейчас будет затевать хлебы, а потом уйдет допалывать картошку.

Дунярка решила внимательней поглядеть, как ставят хлебы.

— Покуда тети маленькие, их не заставляют с тестом возиться, а как вырастут, — хочешь, не хочешь, пеки. Надо подучиться, пока не поздно.

Мать насыпала в большую деревянную квашню пшеничной муки, достала из печки горячей воды, заварила муку кипятком и стала мешать веслушкой. Потом немного холодной воды прибавила и еще помешала. Немного погодя, когда опара стала теплой, как парное молоко, мать влила в квашню дрожжей, обвязала квашню белым с красной каемкой квашенником и пошла на огород. Дунярка ничего не сказала матери, а просто про себя подумала:

«Всего мама в квашню наложила, только посолить позабыла».

Дунярка достала с полки солонку, но соли в ней не было. Тогда „маленькая тетя“ сходила в чулан и принесла оттуда мешочек с солью.

— Сколько нужно положить соли? Квашня большая. Всыплю три горсти.

После этого Дунярка пошла на двор вспоминать, что сделала она за день. Довольная собой, она села на крыльцо и запела:

Ой, теща моя —
хуже лихорадки,
щи варила, пролила,
ошпарила пятки.

Рано утром на другой день мать месила хлебы. Ничего не зная о работе Дунярки, она всыпала в квашню две горсти соли. Она всегда солила тесто утром, потому что соленый постанов плохо киснет.



За обедом отец сказал матери:

— Ну-ка, дай нынешнего хлебца покушать. Откусив от ломтя и пожевав немного, отец сказал:

— Ты, старуха, наверно сразу два фунта соли в квашню ввалила.

Мать осердилась:

— Всегда одну мерку сыплю: две горсти.

— Две... Попробуй, попробуй. Тут не двумя горстями пахнет.

Мать откусила от отцова ломтя и удивилась.

— Что за диковина?

Дунярка покраснела и притихла.

— Ты?—строго спросили у нее отец и мать.

— Я только три горсти,—опустив голову вниз, сказала Дунярка,—помочь хотела... думала, ты позабыла.

— Вот возьму я эту помощницу, да вместо муки в квашню затискаю...—строго сказала мать.

— Я в квашню не влезу,—обрадовалась Дунярка, а потом спросила:

— Когда ж ты, мама, посолить успела? Я смотрела, как ты ставила хлебы, но тогда ты не солила.

— Какой же дурак солит опару? Всегда нужно тесто солить утром, когда месишь.

— А... а...—протянула Дунярка,—ну ладно.

— Куда теперь девать шесть больших караваев?—спросила мать у отца.

— Корове понемногу каждый день давать будем, коровы любят соленое.



— Не пропадут, значит? Вот и хорошо,—сказала Дунярка.

В этот день, вспоминая свои хорошие дела, она прежде всего подумала:

— Узнала, что тесто солят, когда месят.

Арсинка



У меня есть мама и тятя. Мама умеет щи варить и рубахи шить. А я умею плясать.

В праздники к нам приходят гости и поют песни. Я гостей люблю. В гости ходить тоже хорошо. Сколько раз я говорила маме:

— Мы давно в гостях не были.

Мама смеется:

— Если всегда по гостям ходить, весь дом расползется. Не о гостях думать надо, а о работе.

Тятя топором дома делает. Ему деньги дают. Как дадут денег, так мама курагу покупает. С курагой чай кислит и сладит. С курагой я три чашки выпиваю.

Я скоро большая буду. Я и так выше стола
Мама говорит:

— Расти скорей, а то без помощницы плохо.

Зимой мама ткала белые льняные и шерстяные холсты. Я спросила:

— Ты что из холстов будешь делать?

— Из льняных — отцу рубахи, мне и тебе — кофты и фартуки. Из шерстяных — отцу штаны, а нам с тобой юбки.

— Белые нехорошо.

— Мы их выкрасим.

— Давай мне, мама, пятак, я буду твоей помощницей. В лавку за краской сбегаяю.

— В лавке плохая краска, линючая. Мы сами краску сделаем.

— Как же мы ее сделаем?

— Вот подожди, лето придет и сделаем.

Летом мама в лес ходила. И я с ней. В лесу мы ломали чернокленные ветки, соскабливали ольховую и березовую кожуру, вырывали из земли корни лошадиного щавеля.



Мама сказала:

— Еще для краски нужно старое железо.

Мама ходила по знакомым и собирала гвозди, разбитые сковороды, сломанные ухваты.

Кожуру и железо сложили в сарае в отдельные кучи.

— Теперь хватит, — сказала мама и пошла в избу резать холсты, шить юбки и штаны, кофты и рубахи. Тяте мама сшила трое штанов и три рубахи, мне и себе по две юбки и по две кофты. Я маме помогала.

Я все не понимала, как старыми сковородами, ветками и кожурой красят одежду.

Железо мама сложила в деревянную кадушку. Из погреба достала три ведра кислого квасу, вылила в кадушку и сказала:

— Пусть киснет.

Квас в кадушке кис целую неделю, пыхтел как живой, пузыри поднимались шапкой, воняло от него, хоть нос зажимай, а мама говорила:

— Ничего, ничего, хорошая будет краска.

Чернокленные ветки мама сложила в большой чугу́н, налила водой и поставила кипятить в печку. Долго кипела в чугуне вода. Вынула мама чугу́н из печки, на пол поставила. Я поглядела на воду, а она желтая.

— Теперь гляди, — сказала мама, — сейчас буду красить.

Она взяла одну рубаху и две кофты и затискала в кадушку с квасом. Рубаха и кофты испачкались. Мама их выжала.

— Теперь их в чугу́н засунем.

После обеда мама вынула рубаху и кофты из чугу́на. Они стали черные.

— Мама, почему они стали черные? Ведь вода в чугуне и квас в кадушке не черные?

— Так уж бывает: когда железо положишь в кислоту, а потом смешаешь с чернокленным отваром, получается черная вода.

— А почему ты не все кофты и рубахи почернила?

— Черная рубаха и кофта пойдут для будней носки. А для праздника выкрасим в желтый и коричневый цвет.

— А почему штаны и юбки не выкрасила?

— Штаны и юбки — шерстяные. Их нужно чернить ольховой кожурой.

После праздника мама поставила большой чугунок на печку, налила туда квасу, положила старого железа и ольховой кожуры. На другой день от чугуна стало вонять. Тятя сказал:

— Закутай чем-нибудь, а то в избу войти нельзя.

Мама покрыла чугунок сковородкой и закутала старой шубой. Дней через пять сковороду сняли с чугуна. Открыли все окна и двери, чтобы ветерок выдувал нехороший запах. Вода в чугуне стала черная.

Железо и кожуру мама вынула, все штаны и юбки уместились в чугуне. Там они лежали с полдня и стали черные, как земля. Чугунок мама с тятьей поставили в чулан.

В субботу мама понесла штаны и юбки на речку. Я сказала:

— Мама, я буду твоя помощница, пойду с тобой на речку.

— Иди, иди, ты уж большая. Завтра праздник, гости придут.

— А когда кофты, рубахи и фартуки будем красить?

— После воскресенья.

Стали мы на речке штаны полоскать, вода почернела. Мама сказала:

— Сейчас вся чернота из штанов и юбок выйдет, после не будут линять.

Дяденька один пришел купаться и говорит:

— Вы всю воду испортили. Нельзя в такой воде купаться. Арапкой сделаешься.

— Арапки какие?—спросила я у него.

— Кто их знает? Говорят — черные.

Мама сказала дяденьке:

— Посиди на бережку, вся чернота на дно сядет.

Дяденька сел, а мы пошли домой.

— Сейчас, доченька, полы мыть будем.

Я люблю полы мыть. У нас полы крашеные. Как воду на пол нальешь, так можно кататься. Вечером я пошла укладывать в постель своих детей. У меня два мальчика и две девочки. Мама из тряпок сшила. Мальчишек звать Митькой и Гришкой, девчонок — Манькой и Дунькой. Дунька — деревенская — босая, а у Маньки белые туфли. Убаюкала я своих детей, хотела сама спать, да вспомнила: черные туфли лучше белых. Надо Манькины ноги кислотой покрасить.

— Вставай, Манька, продери глаза.

Подтащила я ее к чугуну, ноги в краску опустила. Обмакну и выну, обмакну и выну. Мама в чулан вошла, а я не слыхала. Мама спрашивает:

— Ты чего тут?

Я испугалась и уронила Маньку в чугун.

Испачкалась Манька, жалко мне ее, а мама говорит:

— Вот тебе и арапка.

Я пришила Маньке хвост. Ста-
ла она чудная-пречудная.

В воскресенье пришли гости,
пили чай. Я сказала:

— У меня есть арапка.

Все засмеялись.

— А я еще умею красить штаны и юбки, я —
мамина помощница. Завтра будем кофты, рубахи
и фартуки красить

Все сказали:

— Не-у-жто?

Я мотнула головой и вытерла нос рукавом.

На другой день мама поставила в печку два
чугуна. В один она положила корни лошадиного
щавеля, в другой — березовую кожуру. С бере-
зовой кожуры она содрала белую бересту. Бе-
реста хорошо горит, а для краски не годится.
Вода в обоих чугунах кипела долго. Когда мама
вынимала чугуны из печки, то кряхтела.

— Ты что кряхтишь? — спросила я.



— Тяжело, — сказала мама.

Фартуки она засунула в щавельные корни. Рубахи и кофты обмакнула в чугунок с березовой кожурой и быстро вынула.

— Что скоро так? — спросила я.

— Сейчас повесим на плетень, чтоб высохли на солнышке. Березой всегда так красят: обмакнут и — на солнышко. Как высохнет, опять обмакивают и — снова на солнышко.

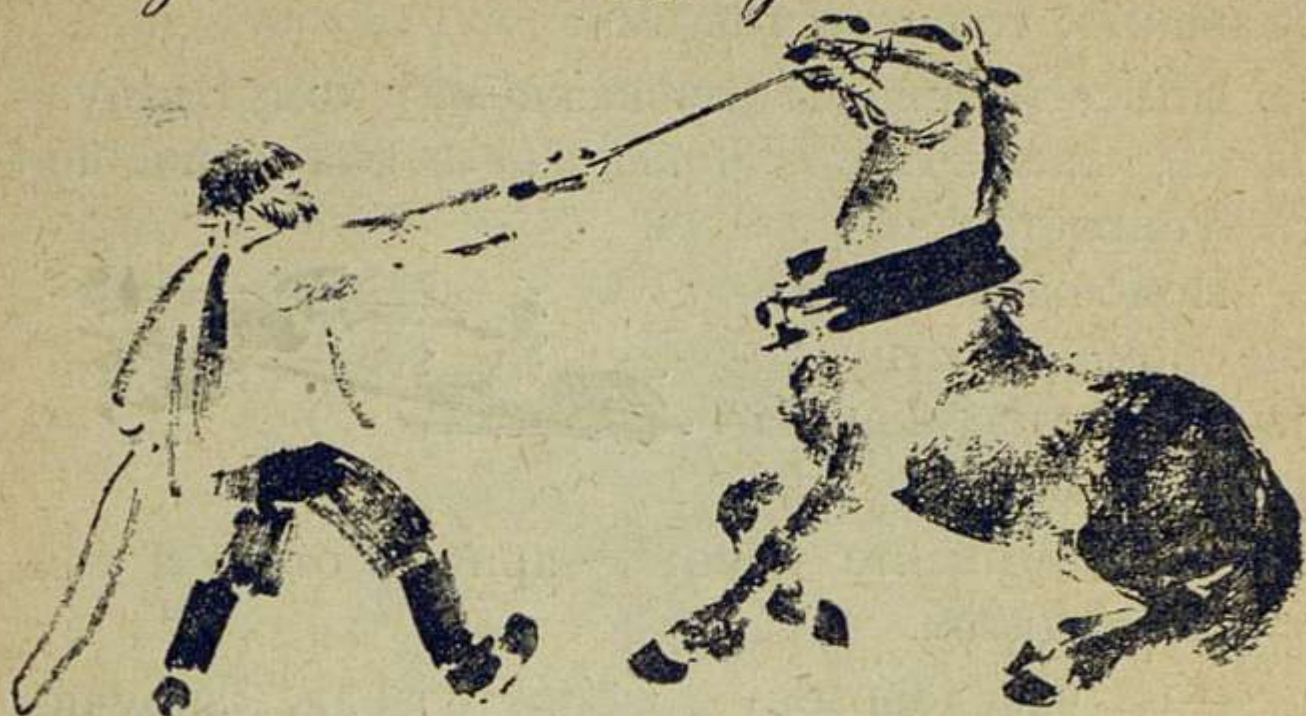
Три дня мы обмакивали и развешивали кофты и рубахи. Стали они коричневые. Коричневые бывают телята. Борода у тяти тоже коричневая.

А фартуки пожелтели от щавельных корней, как старая солома.

На другое воскресенье мы все нарядились и пошли в гости.

Было очень тепло. На ветлах каркали вороны. Им было завидно, что мы такие нарядные.

Буйная лошадь



Купил отец молодую красивую лошадь. Никогда не ходила лошадь в упряжке.

Нелегко такую к хомуту и к телеге приучить.

До праздника лошадь в сарае держали, чтоб свой двор запомнила. В праздник собрался у калитки народ. Каждый советы дает, что нужно сделать, чтоб не растрепала гнедая упряжку.

— В сани ее запрягай. В санях по песчаной дороге трудно ей будет, не помчит рысью. Когда к саням привыкнет, тогда и телегу можно попробовать.

Стал отец к лошади с хомутом подходить, а она в угол забилась и дрожит всем телом.

Подошел отец поближе, а лошадь как мотнет головой.

— Не подходи, убью,—как будто говорит большими темными глазами.

Но все-таки надел отец на кобылу хомут, взнуздал ее, повел к саням. Лошадь встает на задние ноги, упирается.

Подбежали мужики, помогли отцу кобылу в оглобли поставить. Запрягли кое-как.



— Открывайте ворота,—кричит отец, а сам в сани садится.

— В час добрый,—говорят соседи. Закручивает отец вожжи на руках, трогается.

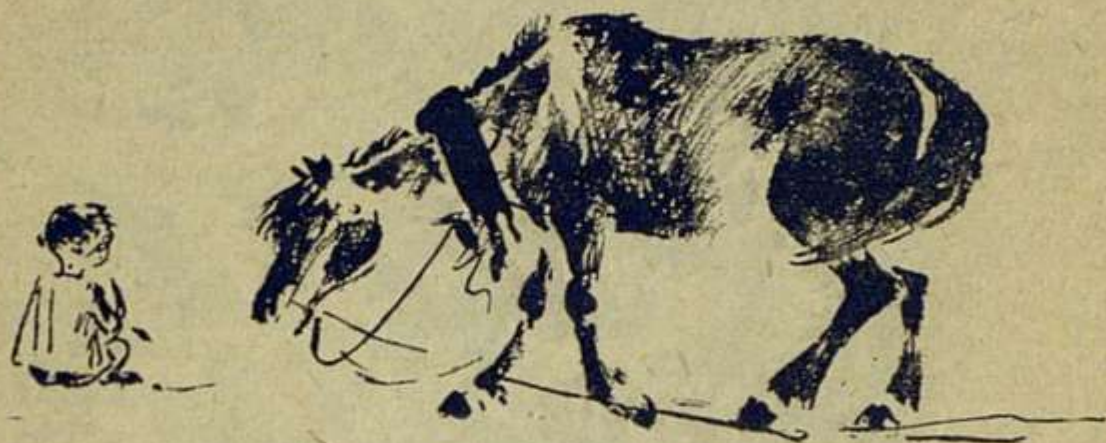


Захрапела кобыла, рванула. Задели сани за ворота. Испугалась лошадь. Помчала. Не разбирает дороги, несется, как бешеная. Задними ногами в сани бьет. Переломилась левая оглобля, еще больше взбесилась кобыла. Возле оврага круто повернула,—отскочили сани, в яму полетели. А вместе с санями—отец.

— Убила, убила! — закричал народ. Все к оврагу побежали. А буйная лошадь, вся взмыленная, ко двору скачет. Сторонятся с дороги ребяташки, бабы и мужики.

И вдруг... Соседский девятимесячный ребенок в беленькой рубашке к калитке ползет. Нашел куриное перышко и дует на него.

Примчалась буйная. Остановилась у калитки. И сразу успокоилась—домой попала. Толкнула кобыла калитку головой, открыла. Осторожно ребенка обошла и во двор. Забежала в сарай и снова захрапела сердито.



Видели чужие бабы—дивились:

— Какая дикая, а младенца пожалела. Словно шелковая прошла.

Отец не убился. Только оцарапался весь. И ногу сильно поранил.

— Нельзя, кум, такую покупать,—говорят мужики,—продай ее от греха.

А ребенка соседского прозвали с тех пор «кобыльим сынком».

— Эй, ты! Под Гнедухой сидел, ничего не боялся. Храбрым будешь красноармейцем.

Скворцы



У нас для скворцов скворешники делают. А на юге скворцы под крышами гнезда вяют.

Избы там черепицей кроют. Накладывают глиняные пластинки одну на другую.

Прилетят скворцы и смотрят, не сдвинулась ли какая-нибудь пластинка. А заметив отверстие, сейчас же начинают таскать туда соломинки, пушинки, шерсть. От гнезда черепица приподнимается, и это очень не нравится хозяевам, которые живут в избах.

Довелось мне летом гостить как раз в такой избе, где под черепицей было очень много скворчиных гнезд. Почти под каждой пластинкой гнездо. Дождь пойдет — крыша протекает. Течет вода в комнаты. Решили хозяева все гнезда разорить, а избу перекрыть и все отверстия замазать глиной.

Я уговаривал хозяев подождать, потому что в каждом гнезде пищали скворчата, которые через несколько дней должны были вылететь. Но очень хозяева рассердились на скворцов и, не дожидаясь вылета, принялись за переустройство крыши.

Кроме меня в том доме гостило несколько женщин с детьми. Всех малышей было двенадцать, из них три девочки и девять мальчиков. Детям было жалко скворцов, и они стали придумывать, что бы такое сделать, чтоб птенчики не пропали, а выросли бы и улетели.

Вокруг дома было много деревьев: маслин, белых акаций.

— Давайте, устроим висячие гнезда, — предложила Шура, — несите свои коробки, корзинки, ящики, ведерки.

Дети принесли все, во что можно было посадить скворчат. А гнезда уже снимались из-под черепицы и складывались на веранде. Птенцы пищали, выдирались из гнезд, а взрослые скворцы летали поблизости и страшно беспокоились.

— Не волнуйтесь, — говорили им дети, — все устроим для вас, как надо.

Осторожно укладывали дети гнезда в корзиночки и в ведерки и развешивали на ветках повыше. Коробочки и ящики обматывались бечевкой и тоже укреплялись на деревьях. Взрослые скворцы, не боясь детей, тащили своим птенцам корм — червяков и козявок.

— Теперь надо решить вопрос, как уберечь скворчат от кошек, — сказала Шура.

— Надо играть возле гнезд и отгонять кошек, — предложил Павлик.

— А что делать ночью?

— На ночь кошек запирать.

— Можно запереть свою кошку, а разве от чужих кошек упасешься?



— Чего мы боимся кошек? Ведь гнезда висят высоко на тонких ветках. Кошки туда не могут забраться. Давайте сделаем опыт. Попробуем первую ночь не караулить скворцов. Утром сразу будет видно, все ли птенчики целы.

Так и решили. Рано утром дети побежали к гнездам. Птенцы высовывали головы из корзинок, ведерок, коробок, ящичков.

— Один, два, три, четыре, — в этой корзинке все целы.

— И в этой тоже.

Только из одного гнезда выпал скворчонок и убился насмерть.

— Дурачок, — сказали о нем дети, — куда лез, не видел разве, что гнездо висит высоко и можно разбиться?

Птенца закопали под кустами цветущего тamarиска.

Отцы и матери скворчат то и дело прилетали с червяками и по очереди кормили прожорливых птенцов. Каждый широко раскрывал клюв и пищал, как будто прося свою мать:

— Мама, дай мне, а братцам моим не давай!

— Папа, я хочу есть!

Но и мама и папа помнили, кому они дали, а кто еще вовсе ничего не проглотил.

На восьмое утро, подбежав к гнездам, дети не слышали голодного писка, не увидели раскрывающихся клювов.

— Неужели кошки поели?!

Но в это время над головами детей пролетала скворчиная стая.

— Выросли! улетели! — закричали дети.

— Можно снимать корзинки и коробки с деревьев.



— Сколько всех птенцов было посажено на ветки?

— Тридцать три. Один разбился. Улетело тридцать два.

— Да еще восемь отцов и восемь матерей. Значит, всего из наших гнезд вылетело сорок восемь скворцов.

Озорство



— Хорошо озоровать во сне, — говорит Галик, — делай, что хочешь, и ничего за это не будет.

— А ты часто озоруешь? — спрашивает у него дядя Вася.

— Вчерашней ночью очень сильно озоровал.

— Что ж ты делал?

— Иду по улице, стоит милиционер с палкой. Я к нему подбегаю, палку выхватываю и —

за угол. Пробираюсь переулками, гляжу—площадь. На углу магазин с игрушками, а дверь заперта. Я палкой в окно, а на окне серый конь с мочальным хвостом.

Сажусь верхом и мчусь ураганом. Народ за мной.

Все кричат:

«Ловите, ловите озорника!»

Но поймать меня нельзя, потому что летит мой конь по воздуху быстрее аэроплана.

Спрашиваю у своего летучего иноходца:

— Какой ты породы?

А он говорит:

— Магазиной.

— Хочешь отдохнуть?

— Хочу.

Сели мы с ним на трубу.

А в это время печка топилась. Дым весь в комнату пошел. Люди задыхаются, на улицу выбегают, трубочиста зовут, думают—труба испортилась.

А мы дальше помчались. Поднимаемся выше и выше. Город от нас скрывается. Людей и собак не видно, кошачьего мяуканья не слышно. Только облака лохматые со всех сторон.

Глядь — стоит громадная кадушка с водой.

Спрашиваю у конька:

— Что это?

А он говорит:

— Небесная вода—для дождя приготовлена.
Вон видишь, сито висит. Сквозь сито вода
льется, от этого дождь получается.

— Давай, без сита выльем.

— Давай.

Опрокинули кадушку. Как ухнет вода на землю.



Люди думают:

«Наверно потоп, никогда та-
кого дождя не было».

Конь спрашивает:

— Может быть, пора вниз
спускаться?

А я говорю:

— погоди, внизу я каждый
день бываю, а вверху в первый
раз. Дальше неси!

Помчались мы еще быстрее.
Но вот стал сжиматься мой конь.
Сжимается и сжимается, как будто тает. Гляжу,
совсем маленький сделался, и сидеть мне уж не
на чем. Того и гляди, сорвусь. И солнце пропало.
Темнота кругом.

Летим наощупь.

— Вниз, — командую я серому с мочальным хвостом.

Как спускаться стали, сбились с дороги и куда лететь, не знаем.

Вдруг заграждение, будто проволока колючая.

Рвет заграждение копытами конек. Сыплется оно на землю. Не проволока это оказалась, а паутина шелковая.



Падает паутина на людей, путает им ноги, спотыкаются они и сердятся:

— Что за ерунда сыплется с неба? Кто это там озорует? —

И никто не знает, что это — я.

Нашли мы опять дорогу, по какой вверх поднимались.

Хотел я домой вернуться. А вороны увидели меня, полетели на землю, каркают:

— Галик Беляков озорует, садитесь в аэропланы, догоняйте проказника.

Что делать?

Конь с мочальным хвостом шепчет:

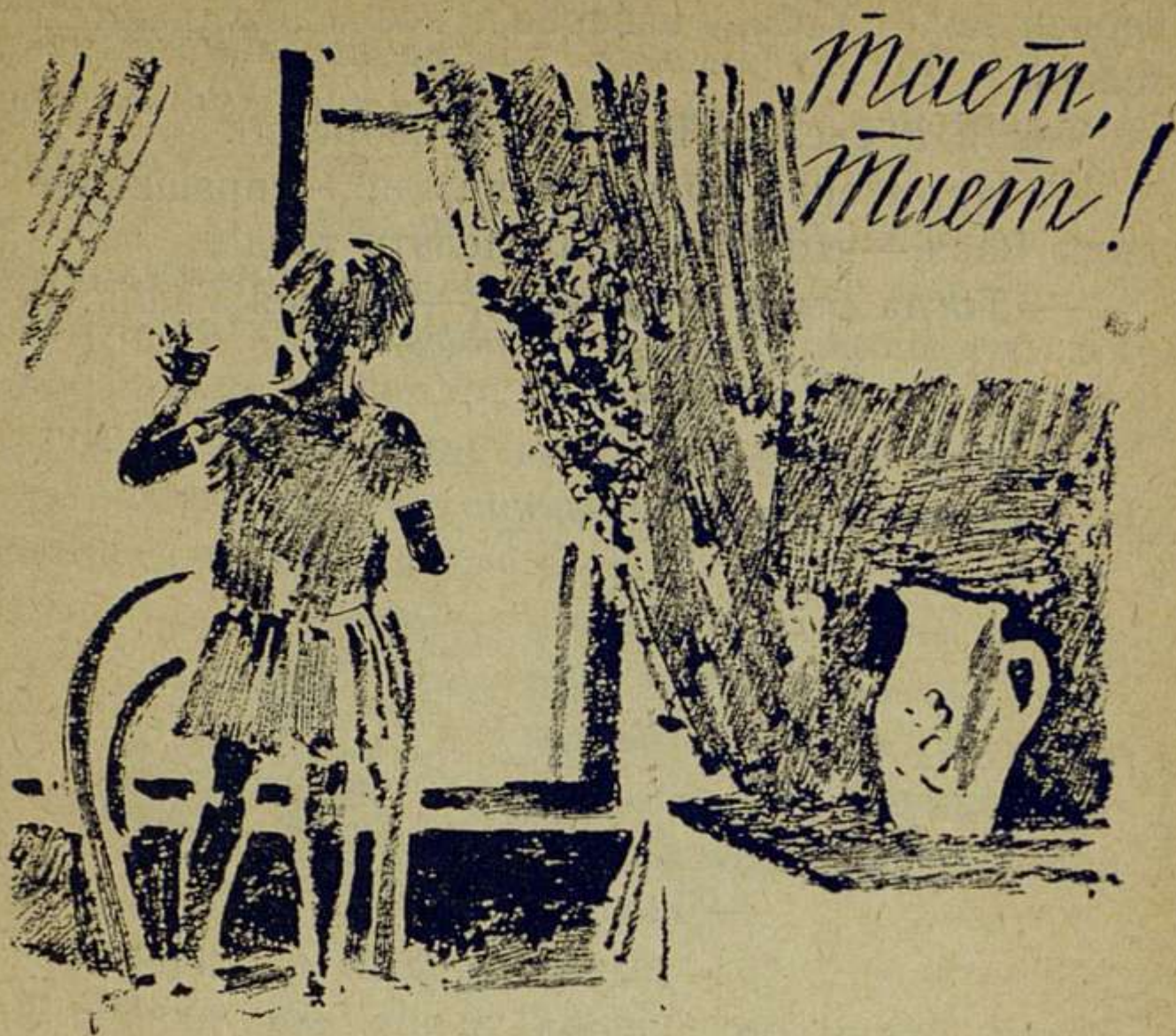
— Привяжи себя веревкой к моему животу, и никто тебя не увидит. Опущусь я на лугах, буду траву есть, все подумают, что я — простая крестьянская лошадь. А как солнце сядет, домой

вернешься. Тебя, наверно, все дожидаются теперь.

Так я и сделал. Вот какое озорство.

— Ну, а если бы тебя поймали?—спрашивает дядя Вася,—что б ты стал делать тогда?

— Тогда бы я проснулся,—смеется Галик.



Поехала мама в город гостить. Маленькую Женю с собой взяла. Никогда Женя города не видала.

Подходит поезд к станции, а Женя прижимается к маме и дрожит.

— Что с тобой?

— Я боюсь.

— Чего же ты боишься?

— Города боюсь, он, наверное, страшный.

— Вот чудачка. В городе все так же, как и в деревне. Только избы городские лучше деревенских, и по улицам ходят трамваи.

Пришел поезд.

Стали люди с вокзала на площадь выходить. Видит Женя, что страшного нет ничего, а все-таки боязно почему-то. Уж очень народу много. Больше, чем во время сенокоса на деревенских лугах.

— На трамвае поедem,—говорит мама.

— Не надо на трамвае, он задавит,—просит Женя.

— Ну, на автобусе.

Сели в автобус.

Прыгает он. А Жене кажется, что того и гляди на бок свалится. Хватается Женя за мамину руку.

Глядят чужие дяди и тети на Женю, думают:

— Какая пугливая девочка. Сразу видно, что из деревни. Городские дети ничего не боятся.

Осмелилась немного Женя, стала по сторонам оглядываться.

— Мама, мама, погляди, в автобусе мед. И там и тут.

— Это стекло такое, на медовые соты похожее.

Глянула Женя в автобусное окно, еще больше ахнула:

— Мама, погляди, изба на избу наложена.



— Где?

— А вон там, видишь? Внизу окошки, над окошками еще окошки.

Не видела никогда Женя двухэтажных домов, потому и кажется ей, что в городе «изба на избу накинута».

Объясняет мама Жене, что в городе народу много, потому и строят такие дома.

Сошли с автобуса на другой площади.

Мама говорит:

— Теперь вон туда пойдём!

А Женя просит:

— погоди, погляжу, как автобус пойдёт.

— Да ведь мы ехали с тобой на автобусе, чего ж тебе еще надо?

— Я погляжу, кто его подталкивает.

Побежал автобус. Смеется мама:

— Ты думаешь, если он едет без лошади, то, значит, его кто-нибудь подталкивает? Нет, милая, все это по-другому устроено: трамвай электричеством двигается, автобус бензином.

Ничего не понимает Женя. Страшно ей в городе. Все тут не так, как в деревне.

К своему брату приехала мама гостить.

Спрашивает дядя у Жени:

— Где интересней, в деревне или в городе?

— Интересней в городе, а лучше в деревне.

Вечером зажглось электричество. И как просто:

маленькую черненькую штучку дядя повернул — и сразу стало светло.

— Мама, давай такой огонь купим, в деревню повезем.

— Вот видишь, — смеется дядя, — а ты говоришь, что в деревне лучше.

— Как потушить такой огонь? Дуть на него нужно?

— И дуть не нужно, а только повернуть вот эту штучку, которая называется выключателем. Поживешь, милая Женечка, в городе, позабудешь про свою деревню.



Но Женя не могла забыть своей маленькой избушки, где осталась бабушка Груня.

Женю сводили в Зоологический сад.

Она видела там слона, обезьянок, попугаев и всяких других птиц и зверей. Но, выходя из Зоологического сада, Женя спросила:

— Мама, когда поедем в деревню?

— Когда весна наступит, — сказала мама.

И в кино водили Женю. Очень она там боялась и все время кричала:

— Ой, задавит! Машина едет! Лошади бегут!

С непривычки казалось девочке, что поезд и лошади помчатся с экрана прямо на людей.



— Мама, когда весна придет?

— Когда снег начнет таять, и с крыши вода закапает.

Дни казались Жене очень длинными.

Солнечной погоде радовалась девочка. При солнце всегда теплее. А когда тепло, тогда и вода с крыши может закапать.

Скорей бы капать начинало. Тогда бы мама с Женей в деревню уехали к дорогой бабушке Груне.

Один раз проснулась Женя утром, подбежала к окну, видит—капает вода с крыш.

— Мама, тает! Гляди, мама, капель! Весна идет! Домой поедem скорей!

— И то, надо собираться,—сказала мать,—загостились мы с тобой у дяди.



Вместе с другими гостинцами Женя взяла с собой в деревню перегоревшую электрическую лампочку. Ей казалось, что если к лампочке привязать проволоку, воткнуть в стенку, то в избе загорится электричество.

— Когда еще приедешь в город?—спросил у Жени на прощанье дядя.

— Через пятьдесят лет.

— Тогда ты будешь старухой.

— Зато бояться ничего не буду. Мама во —
ничего не боится.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Лягушиная напасть,	3
Несчастные вареники.	8
Помошница.	16
Арапка.	20
Буйная лошадь.	27
Скворцы.	30
Озорство.	35
Таает, таает	40

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД**

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ

Р. АКУЛЬШИНА

Для детей младшего и среднего возраста.

О ЗОРНИЦА БЕЙКА

Рассказы. Рис. Веретенникова.

Стр. 39.

Ц. 20 к.

★ ★ ★

ПЕСТРЫЕ ВАРЕЖКИ

Р а с с к а з ы

Рисунки К. Кузнецова.

Стр. 40.

Ц. 35 к.

★ ★ ★

НАХОДКИНЫ ДЕТИ

Рисунки М. Родионова.

Стр. 24.

Изд. 2-е.

Ц 15 к.

★ ★ ★

ПУТЕШЕСТВИЕ КОСТИ НА САМОЛЕТЕ

Картинки И. Мрочковского.

Стр. 32.

Ц. 10 к.

★ ★ ★

КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

Рисунки П. Староносова.

Стр. 16.

Ц. 15 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ

Р. АКУЛЬШИНА

Для детей младшего и среднего возраста

ОХОТНИКИ

Р а с с к а з ы.

Рис. А. Рыбникова.

Изд. 3-е.

Стр. 32.

Ц. 15 к.

★ ★ ★

ПАСТУХОВА ДОЧЬ

Рисунки М. Михаэлис.

Стр. 38.

Ц. 26 к.

★ ★ ★

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СТЕКЛЯШКИ

Рисунки М. Родионова.

Стр. 30.

Ц. 15 к.

для детей среднего и старшего возраста

★ ★ ★

ТРУШКА—ПЛЯСУН

(Из жизни). Рис. С. Герасимова.

Стр. 91.

Ц. 40 к.

Маленький Трушка—забавник всей деревни. Отец мечтает отдать его в цирк. Но русско-немецкая и гражданская война изменяют планы отца и сына.

★ ★ ★

ФУНТЕНОК

Рисунки С. Герасимова.

Стр. 24.

Ц. 20 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ДЕТСКИЙ ТЕАТР
ПЬЕСЫ

Р. АКУЛЬШИНА
НЕЧИСТАЯ СИЛА

Пьеса в четырех картинах для подростков.

Стр. 28.

Ц. 20 к.

В пьесе изображена борьба косного элемента деревни с вторжением радио.



О П О З Д А Л И

Пьеса в двух картинах.

Обложка В. Ковальциг.

Стр. 16.

Изд. 2-е.

Ц. 12 к.

Деревенские ребята торопятся в село на спектакль, гроза задерживает их. На спектакль они опаздывают, но заводят дружбу с пионерами. По простоте и легкости разговора и действия пьеса пригодна для начинающих исполнителей-детей.

ВСЕ КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

высылает немедленно по получении заказа

Москва, 6, Госиздат „Книга—Почтой“ или Ленинград, Госиздат „Книга — Почтой“ или Казань, Госиздат РСФСР „Книга — Почтой“ или Ростов н/Д Госиздат „Книга—Почтой“, Саратов, Госиздат „Книга—Почтой“, а в пределах Украины—Харьков. Госиздат РСФСР, „Книга—Почтой“ высылают книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом.

При высылке всей стоимости вперед—пересылка бесплатно.

Эти же книги можно купить или выписать в киосках Госиздата „Книга—Деревне“ при почтовых конторах.

70 =

[K]

рисунки 13. Мвенно-бон



20 коп.